

УДК 930.9

ББК 63.3(0)61-362

**Учебные заведения казачьей эмиграции
в 1920–1930-х гг.: из истории культурно-
просветительской деятельности русского
зарубежья**

М.А. Яшина, А.Л. Худобородов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет (Челябинск, Россия)

**Educational Institutions of the Cossack Emigration
in the 1920-s — 1930-s: from History of Cultural
and Educational Activity of the Russian Abroad**

M.A. Yashina, A.L. Hudoborodov

South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia)

В статье исследуется такое направление культурно-просветительной деятельности казачьей эмиграции 1920–1930-х гг., как становление и развитие на чужбине казачьих военных училищ и кадетских корпусов. В качестве источников были использованы материалы центральных российских архивов, воспоминание юнкеров и кадетов, периодическая печать русского зарубежья. Проблемно-хронологический и сравнительный методы, антропологический подход, использованные авторами, позволили дать анализ деятельности в эмиграции Атаманского Донского и Кубанского генерала М.В. Алексеева военных училищ, двух Донских кадетских корпусов. В ходе изучения данной проблемы авторы пришли к следующим выводам. Во-первых, казаки войсковые атаманы и правительства в невероятно трудных условиях эмигрантской жизни сумели сохранить подготовку офицерских кадров. Во-вторых, учебные планы и программы военных училищ и кадетских корпусов позволили сохранить у учащихся русские национальные, в том числе казачьи, традиции, русский язык, знание литературы, культуры своей Родины, в результате чего не было ассимиляции русских эмигрантов в иноязычной среде. В-третьих, выпускники училищ и корпусов получали практические умения и навыки по отдельным рабочим профессиям, изучали языки страны пребывания, что позволяло им приспособиться к жизни и самостоятельному заработку в Болгарии и Югославии, поступить в высшие учебные заведения, в том числе в Югославскую военную академию и служить офицерами в югославской армии.

The article researches such direction of cultural and educational activity of the Cossack emigration of 1920s — 1930s as formation and development in the foreign land of the Cossack military colleges and military schools. The problem, chronological and comparative methods, anthropological approach allowed the authors to analyze the activity in emigration of the Atamansky Donsky and the Kuban general M.V. Alekseev of military colleges, two Don military schools. Studying this problem the authors have come to the following conclusions. First, the Cossack army atamans and the governments in incredibly difficult conditions of emigrant life managed to maintain training of the officers. Secondly, curricula and programs of military colleges and military schools allowed preserving Russian and Cossack, traditions, Russian, literature, culture of the Homeland. As the result, Russian emigrants did not assimilate to the foreign-language environment. Thirdly, graduates of schools and cases received practical working skills, learned languages of the country of residence that allowed them to adapt to life and to earn money in Bulgaria and Yugoslavia, to enter higher educational institutions, including Yugoslavian military academy and to serve as officers in the Yugoslavian army.

Ключевые слова: учебные заведения, казачья эмиграция, публикационная деятельность, суд чести, юнкер, хорунжий.

Key words: educational institutions, Cossack emigration, printing activity, court of honor, cadet, horunzhy.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-29

Стремление казаков в эмиграции сохранить свою организованность, сплоченность, военные традиции казачьего сословия наиболее ярко проявились в создании военных училищ и кадетских корпусов на чужбине.

Атаманское военное училище, бывшее Новочеркасское казачье училище, возобновило свою работу на острове Лемнос, в тяжелых условиях «лемносского сидения». В 1920–1921 гг. юнкера училища издавали рукописные журналы «Атаманец» (вышло 18 номеров) и «Сын изгнания» (6 номеров). С Лемноса училище выбыло в Болгарию, в г. Ямбол, в его составе было 174 офицера, 141 казак [1, с. 87]. В первой сотне юнкеров этого училища в 1921 г. в Болгарии обучалось 82 человека, во второй сотне — 72 юнкера, в третьей сотне — 59 юнкеров [2, л. 2–2 об., 3].

Начальник училища генерал-майор Максимов старался дать юнкерам достойное военное образование, соответствующее программам военных училищ царской России. Сам он в старших классах проводил занятия по военной психологии. В Атаманском военном училище юнкера изучали также такие военные предметы, как практика, топография, фортификация, артиллерия, военносাপерное дело, военная администрация, военная география, военная гигиена, русский и иностранные языки, Закон Божий. Важно отметить, что преподавались и специальные казачьи предметы: иппология (наука, изучающая лошадей), история Войска Донского [2, л. 10].

Преподавательский состав был достаточно опытный и квалифицированный, например, тактику вел инспектор классов Генерального штаба генерал-майор Попов, фортификацию преподавал военный инженер генерал-майор Дынский, артиллерию и законоведение преподавали полковник Голубинцев и Плетнев [2, л. 10].

После прекращения деятельности Атаманского военного училища около 60 человек находились в Париже, где в середине 1920-х гг. годов работали в основном на автомобильных заводах Рено и Ситроена. Более малочисленные группы чинов училища работали на шелковых фабриках Лиона, в шахтах в Кнютанже и Монтаржи. При училище в Болгарии и Франции существовала касса взаимопомощи инвалидам и безработным [3, с. 99].

Широко известным в эмигрантской казачьей и военной среде было Кубанское генерала

М.В. Алексеева военное училище. Оно было создано еще в 1917 г. в Екатеринодаре из школы прапорщиков Казачьих войск. В эмиграции училище первоначально размещалось на греческом острове Лемнос. Условия жизни на Лемносе были очень тяжелыми, прежде всего недостаточное питание юнкеров, их переутомление, вызванное ускоренным прохождением учебного курса, неопределенность будущего положения казаков на Лемносе и их неизбежный переезд на материк.

В такой обстановке преподаватели и юнкера училища, его начальник генерал-майор Олег Иванович Лебедев многое делали для снижения повышенной нервозности. Так, педагогическое совещание училища на своем заседании 17 июня 1921 г. обсуждало вопрос о наилучшем и наиболее целесообразном использовании времени, оставшемся в распоряжении училища до переезда с острова Лемнос в Болгарию. Педагогическое совещание постановило:

«1. Организовать экскурсии (прогулки), не придавая им учебного характера и необязательные.

2. Ознакомить путем анонимной анкеты с волнующими и интересующими юнкеров вопросами, и дать на эти вопросы по возможности исчерпывающие объяснения и ответы. Предварительную беседу и объяснение юнкерам взял на себя инспектор классов генерал Болховитинов.

3. Воспользоваться прибыванием на острове кинематографа В[сероссийского] Земского С[юза] и организовать сеанс в училище.

4. Принять возможные в нашей обстановке меры к развитию спорта в дополнение к футболу» [4, л. 27 об.–28].

Юнкера училища во время пребывания на Лемносе издавали рукописные журналы «Барабан» (1920–1921 гг.) и «Кубанец» (в 1921 г. вышло 12 номеров) [1, с. 87].

В 1921 г. училище переехало в Болгарию и было расквартировано в казармах г. Тырново-Сеймен. В этот период в штате училища было 618 человек (177 офицеров, 263 юнкера, 178 казаков) [1, с. 87].

На апрель 1922 г. обучающихся было 265 человек из них юнкеров — 192, хорунжих — 73 [5, л. 388]. Из 265 человек с законченным средним образованием было 210 человек, с незаконченным средним образованием — 55. Из кадетских корпусов прибыло 49 человек, из других учебных заведений — 216 человек [5, л. 390].

На апрель 1922 г. в Кубанском военном училище из всего состава обучающихся 138 были казаки, не казаков 127 человек. Из 138 казаков 100 человек были кубанцы, 29 — терские казаки, 9 — донские казаки [5, л. 391]. В 1921 и 1922 гг. училище произвело два выпуска офицеров.

В первой половине 1920-х гг. в Кубанском военном училище проводилась активная и разносторонняя культурно-просветительная работа, которая включала деятельность информационного пункта, библиотеки. К апрелю 1923 г. в библиотеке имелось 400 книг, тысячи экземпляров эмигрантских газет «Новое время», «Казачьи думы», «Русское дело», «Свободная речь», «Руль», «Общее дело», десятки экземпляров журналов «Двуглавый орел», «Зарницы», «Еженедельник Высшего монархического совета», а также в большом количестве информационные сводки и бюллетени штаба главнокомандующего П.Н. Врангеля, Кубанского войскового атамана, Штаба Донского корпуса, Донской осведомительный листок. Все эти издания были доступны в читальне для офицеров и юнкеров. В Болгарии юнкера училища издавали рукописный журнал «Алексеевец». По признанию руководства училища, этот журнал «содержит всевозможные произведения Алексеевцев, являясь показателем их настроений и чаяний» [6, л. 11].

Кроме того, в Кубанском военном училище были созданы и действовали певчий хор, хор трубачей, художественный кружок. В отчете «Краткая история хозяйства Кубанского генерала М.В. Алексеева военного училища в Тырново-Сеймене» отмечалось: «Средства кружка создавались из платных спектаклей и единовременного пособия от представителя В[сероссийского] З[емского] С[оюза] г-на Резниченко в сумме 1000 левов. Кружок со своей стороны оказывал посильную помощь покупкою книг в училищную библиотеку и единовременно было отчислено из его средств 510 левов на нужды Кубанских инвалидов в Новой-Загоре» [6, л. 11].

Алексеевское и Сергиевское училища оказывали помощь инвентарем и классными принадлежностями для школы, где обучались дети младшего школьного возраста чинов русского гарнизона.

В 1921–1923 гг. были прочитаны 42 лекции командирами сотен, офицерами и другими лекторами [6, л. 11].

Важно отметить, что в Кубанском военном училище особое внимание уделялось нравственному воспитанию юнкеров, формированию у них офицерской чести. Не случайно в училище действовал суд чести юнкеров. В Положении о суде чести юнкеров Кубанского генерала М.В. Алексеева военного училища» [7, л. 26] подчеркивалось: «Суд чести утверждается для охранения достоинства военной

службы и поддержания доблести юнкеров и чести Училища. Цель его — создать навык к оценке проступков с точки зрения интересов всей юнкерской среды (корпоративной чести), а с другой стороны, воспитать и укрепить в каждом личное вдумчивое и строгое отношение к своим не только поступкам, но и словам, что необходимо в будущем воспитателям и вождям войск. На суд чести возлагается рассмотрение проступков, не совместимых с понятием о воинской чести, личном достоинстве, общей нравственности» [8, л. 18].

Процессуальные нормы суда чести предполагали не унижать достоинства личности юнкера. Так, статья 17 Положения о суде чести юнкеров указывала: «Разглашение подробностей происходящего на суде и данные дознания ранее приговора — не должны допускаться как в целях охраны свободы осуждения, так и самолюбия обвиняемого» [8, л. 19]. Результаты суда чести могли быть следующими: «Суд чести юнкеров может постановить приговор: 1) об оправдании, 2) о внушении составом суда, 3) о выговоре в присутствии сотни или всего училища, 4) об удалении из училища. Примечание: о причине удаления сообщается в часть, куда будет отправлен удаляемый» [8, л. 19 об.].

К середине 1920-х гг. в Кубанском военном училище насчитывалось 632 человека, в том числе 412 офицеров [1, с. 87]. С этого времени начинается численное сокращение как преподавательского состава училища, так и количества обещающихся в нем. Это было связано с приказом главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля о переходе военных училищ на работы «для обеспечения своего существования и сохранения офицерского кадра» [3, с. 81].

Большая часть личного состава и персонала Алексеевского училища переехала на работу во Францию, Югославию, часть осталась в Болгарии. Так, в г. Тырново-Сеймен осталось около 100 юнкеров. В Софии в 1930-х гг. находилась группа Кубанского военного училища в 45 человек под руководством полковника П.Л. Миляшевича. Другие чины корпуса небольшими группами размещались в Хасково, Шумене, Пловдиве, Старой Загоре [3, с. 98], они работали сапожниками, шоферами, в магазине, на фабриках, реже — чиновниками.

Во Франции находилось ядро Кубанского военного училища — штаб и около 120 человек — чинов корпуса с незначительным числом казаков в городе Канн, большинство работало в железнодорожных мастерских. Часть офицеров и выпускников Кубанского военного училища сумела закончить высшие учебные заведения в Болгарии и Чехословакии, но только некоторым удалось хо-

рошо устроиться на службу. Интересно отметить, что чины Алексеевского училища стремились объединиться с другими казаками — кубанцами во Франции, это помогало консолидироваться казакам и совместно адаптироваться к новым условиям жизни. Так, состоящие при Кубанском училище казаки в 1928 г. объединились со своими офицерами в сотню 1-го Екатеринодарского полка под общим командованием начальника училища О.И. Лебедева, которая одновременно являлась и базой для всех прибывающих во Францию казаков Кубанской дивизии [3, с. 98].

В целом до 14 сентября 1923 г. на средства, выделяемые главнокомандующим Русской армией П.Н. Вангелем, содержалось несколько военных училищ, в которых за время эмигрантской жизни было произведено в офицеры до 2 тысяч юнкеров [9, с. 137]. Часть из них были выпускниками казачьих военных училищ. Так продолжались традиции подготовки казачьих офицеров, попытки сохранить дух старой императорской армии и казачьего сословия.

Если военные училища в эмиграции довольно быстро прекратили свою учебную деятельность, то кадетские корпуса активно действовали на всем протяжении 1920-х–1930-х гг., выполняя задачу подготовки младшего офицерского состава из среды эмигрантов с целью создания будущих кадров российской армии. Значительное место в этой работе занимал Донской кадетский корпус, переименованный приказом Донского атамана А.П. Богаевского от 25 сентября 1922 г. в Донской императора Александра III кадетский корпус.

Донской кадетский корпус прошел сложный и драматический путь в эмиграции. Исключительную роль в сохранении корпуса на чужбине сыграл его директор генерал-лейтенант Александр Васильевич Черячукин. Он окончил Академию Генерального штаба, после революции работал на Дону вместе с П.Н. Красновым, имел все боевые награды вплоть до георгиевского оружия, а также Георгиевский крест 4-й степени. По свидетельству очевидцев, директор корпуса сумел организовать кадетов на «беспримерный для детей переход в 150 верст при зимней распутице» [10, с. 125] из Новочеркасска в Новороссийск для его эвакуации. 8 марта 1920 г. корпус в составе 299 кадетов, а также преподавательского состава вышел из Новороссийска на корабле «Саратов».

С конца мая 1920 г. по осень 1922 г. корпус находился в Египте, в районе Исмаилия, около Суэцкого канала. Администрация корпуса состояла из директора А.В. Черячукина, переводчика хорунжего Г.П. Чеботарева, инспектора клас-

сов и преподавателя истории Н.В. Суворецкого, а также служащих английской администрации — представителя английских властей Роланда Крега, сержанта и двух солдат.

Особые трудности корпус испытывал в обеспечении учебниками и книгами. Лишь к концу 1920 г. положение с книгами улучшилось, удалось найти часть русских книг и выписать учебники из Парижа. Все это позволило весной 1921 г. успешно провести переводные экзамены.

В 1920–1922 гг. Донскому кадетскому корпусу оказывали помощь французские власти, посылая учебники и пособия. Значительную материальную помощь оказала Французская компания Суэцкого канала. Ассоциация молодых христиан (общество ИМКА во главе с американцем А. Симонсом) присылала игры, музыкальные инструменты, мячи и сетки для футбола, бейсбола, волейбола, пинг-понга, перчатки для бокса и рапиры. Наряду с общеобразовательными предметами кадетов обучали чертежному делу, а также портняжному, сапожному, автомобильному (ремонт), действовали плотницкая и переплетная мастерские.

Во время пребывания в Египте кадетами корпуса издавался рукописный журнал «Донец на чужбине», в 1920–1921 гг. вышло 19 номеров, вначале он был рукописным, а потом его начали размножать на гектографе. Эта традиция была продолжена в Югославии, где в 1922–1928 гг. вышел 21 номер рукописного журнала «Донец» [1, с. 93]. В период пребывания в Египте кадетами был создан духовой оркестр, инструменты для которого пожертвовали в Порт-Саиде моряки из Владивостока. Бывший кадет Ю. Гончаров вспоминал, что «в страшно трудных условиях» был создан театр, начавший свои постановки с блестящих «Романтиков» Э. Ростана» [11, с. 21].

В 1922 г. донской кадетский корпус был расформирован английскими колониальными войсками. По официальной британской версии английская армия «не могла больше отпускать средства на содержания корпуса» [10, с. 131]. Старшие классы были отправлены в Атаманское военное училище, пять младших классов были эвакуированы в Турцию, где в местечке Буюк-Дере на берегу Босфора в здании бывшей резиденции Русского посольства была организована английская школа, финансируемая одним из британских благотворительных обществ. Три класса кадетов вместе со служащими корпуса были отправлены в Болгарию, откуда часть из них отбыла в учебные заведения Чехословакии и Югославии. Именно в Югославии этот кадетский корпус был воссоздан в сентябре 1922 г. на базе сформированного 2-го Донского кадетского корпуса имени императора Александра III.

Нужно отметить, что еще в декабре 1920 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыл 2-й Донской кадетский корпус (директор — генерал Е.В. Перет), созданный в 1920 г. в Крыму. В 1922–1926 гг. корпус размещался в бывшей австрийской крепости в горах Герцеговины, на границе с Черногорией, около городка Билече. В 1924 г. в корпус прибыли из Шанхая кадеты Омского и Хабаровского корпусов со своим персоналом.

Становление 2-го Донского кадетского корпуса в эмиграции было достаточно сложным прежде всего из-за тяжелых материальных и бытовых условий жизни учащихся и преподавателей. Так, директор корпуса А. Бабкин писал 7 июня 1921 г. в письме российскому посланнику в Королевстве сербов, хорватов и словенцев В.Н. Штрандману, отмечая особо тяжелое положение преподавателей и сотрудников корпуса: «Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой помочь и им, ибо беженского пособия в 240 динар, а семейным и того меньше, на человека едва хватает на плату за стол, квартиру, отопление и освещение. Содержания же ведь до сего времени не положено. Не найдете ли возможным отпустить материалу и на их долю, что по числу служащих 47 человек и их семей 9 человек составит 493 аршина сукна. До сего времени никто из них ничего ни от какого благотворительного учреждения русского или иностранного не получал, что свидетельствую как начальник. Кадет в настоящее время казаков и не казаков стоит 254 человека. Для обмундирования их потребно 2020 аршин 4 вершка сукна. Всего же: 2513 аршин 4 вершка» [7, л. 26].

Несмотря на все трудности, руководству донского корпуса, и прежде всего его директору генералу А.И. Бабкину, известному военному специалисту, служившему до 1917 г. в Генеральном штабе, удалось наладить учебный процесс, оборудовать помещения для занятий, восстановить дисциплину. Между тем ситуация в Донском, а также в Крымском кадетском корпусах к середине 1920-х гг. сложилась критическая. Этот вопрос специально обсуждался Учебным советом Державной комиссии 23 января 1923 г. На заседании приводились примеры употребления кадетами спиртных напитков, преследования инакомыслящих, жестокости в обращении друг с другом, заболевания венерическими болезнями. Чрезвычайность ситуации заключалась в том, что, по мнению выступавших, фактически власть в корпусах захватили группировки кадетов — «Шанхайские генералы Донского корпуса» [12, с. 195].

И все же ситуация в Донском корпусе постепенно улучшилась. Не случайно в памятке «Донской кадетский корпус» за 1930 г. отмечалось: «Кадеты

выражали свое удивление, как удалось воспитателям и преподавателям заставить их сесть снова за парты, после всего ими пережитого, и заняться науками... ведь 28 кадет из выпуска были участниками гражданской войны, проведя несколько лет на фронте в различных частях Белой Армии. Были среди кадет «чернецовцы», «корниловцы», «бредовцы», участники «Степного похода»... девять георгиевских кавалеров...» [3, с. 115–116].

К лету 1921 г. 2-й Донской кадетский корпус имел в своем составе 300 кадет [12, с. 188]. Корпус состоял из 6 классов и двух пригготовительных, некоторые классы имели по два отделения. Корпус был в составе трех сотен, и каждая размещалась в двухэтажном здании казармы: на первом этаже — классы, на втором — спальни. Первый выпуск окончивший корпус кадет был произведен в 1922 г. с аттестатом за 7 классов, в дальнейшем, в 1920-е — начале 1930-х гг. был введен также 8-й класс с выдачей аттестатов зрелости, так называемая большая матура. В целом учебная программа ориентировалась на восьмиклассную реальную гимназию [3, с. 115; 13, с. 23].

Учебные планы и программы русских учебных заведений в Югославии, в том числе и кадетских корпусов, строились с учетом двух принципов. Во-первых, сохранение русских национальных, в том числе казачьих, традиций, изучение российской истории, русского языка, литературы, культуры, чтобы не было ассимиляции в иноязычной среде. Не случайно в Белграде в 1920–1930-е гг. действовала такая культурная общественная организация, как «Союз ревнителers чистоты русского языка». Во-вторых, необходимо было приблизить учебные планы и программы кадетских корпусов к требованиям сербской средней школы, чтобы обеспечить кадетам поступление в высшие учебные заведения Югославии, сделать их более приспособленными к жизни и самостоятельному заработку в новой стране пребывания. Поэтому в кадетских корпусах начался отход от излишней военизации учебно-воспитательного процесса, некоторые предметы изучались на сербском языке.

Деятельность 2-го Донского императора Александра III кадетского корпуса стала более стабильной и упорядоченной после перевода его в 1926 г. в Боснию, в маленький городок Горажде, на берегу реки Дрины. Этот перевод произошел потому, что Военному министерству Королевства сербов, хорватов и словенцев понадобились казармы в крепости Билече для размещения там школы офицеров запаса.

В корпусе традиционно большое внимание уделялось преподаванию прикладных военных дисциплин: топографии, артиллерийскому делу,

баллистики и др. Бывшие кадеты с благодарностью и любовью вспоминали, например, преподавателей математики: «Донцы и в Югославии поддерживали старую традицию: особенно процветали у нас точные науки. Донцы всегда были хорошими математиками, а тут еще и преподаватели попались на редкость хорошие. С самого начала и до конца в корпусе преподавал математику старый Чекамасов. Это был преданный своему делу, очень высоких познаний преподаватель. Чекамасов был годен для преподавания на высшем уровне, в университете...» [3, с. 117].

Наряду с военными дисциплинами в Донском кадетском корпусе преподавались и такие предметы, как литература, история, химия, физика, рисование, физкультура и др. Выпускник корпуса Н. Воробьев вспоминал: «Историю преподавал профессор Абрамцев, помню его еще по Новочеркаску [...] Его метод преподавания не ограничивался «от» и «до». Он дополнял учебник красочными деталями и требовал от нас не только заданного по учебнику, но и того, о чем он сам рассказывал нам. По переезде в Горажде Абрамцев был переведен в Крымский кадетский корпус на должность инспектора классов.

Хочется напомнить, что «Нус» (такое прозвище дали Абрамцеву кадеты) дал нам много истории Дона, его рассказы о донской старине были неисчерпаемы и всегда очень интересны.

Впоследствии приехал читать лекции, главным образом, по военной истории, полковник Генерального штаба Борис Николаевич Сергеевский. Лекции его были исключительно интересные, они иллюстрировались обычно с помощью карт и его собственных чертежей на доске» [14, с. 338].

Понимая, что кадет корпуса в будущем ждет сложная жизнь на чужбине, руководство Донского корпуса стремилось дать им навыки и гражданские профессии, которые бы в крайнем случае дали им средства к существованию. Поэтому при корпусе были различные мастерские: столярные, сапожные, переплетные.

Помимо строевого обучения и гимнастики, кадеты увлекались волейболом, фехтованием, в основном благодаря преподавателю гимнастики и спорта, полковнику Гану. Выпускники Донского корпуса вспоминали позднее: «Полк. Ган, был сам прекрасный фехтовальщик и неоднократно брал призы на гвардейских состязаниях. В старших классах многие кадеты отдавали все свое свободное время — гимнастике, работе на снарядах, несмотря на то, что полк. Ган имел семью, он отдавал много времени кадетам, занимаясь с ними и по вечерам и после обеда. Результаты этой тренировки сказались позже, когда кадетские

группы начали участвовать в различных гимнастических празднествах и соревнованиях в Югославии. Благодаря этому нашим кадетам удалось участвовать в Сокольском слете в Белграде, а также быть и на главном сокольском празднестве — в Праге, в Чехословакии» [14, с. 339].

В Донском корпусе имелись собственный духовой оркестр, а также хор, певший в домовых церквях корпуса. В корпусном зале устраивались вечера, на которых оркестром и хором исполнялись музыкальные произведения русских композиторов, делались доклады, показывались картины из прошлого России. Гордостью корпуса стал самодеятельный художественный театр, который своими средствами сценического искусства помогал кадетам осваивать курсы истории и литературы. Театр ставил пьесы «Федор Иоаннович», «Смерть Иоанна Грозного», «Князь Серебряный» [15, с. 197].

В духовной жизни кадетов Донского корпуса, в их практическом воспитании, в том числе верности традициям Белого движения, огромное значение имели посещение корпуса бывшим российским кадетом югославским королем Александром I Карагеоргиевичем 3 августа 1928 г., а в 1925 г. — посещение корпуса Главнокомандующим Русской армией генералом П.Н. Врангелем. О встрече с П.Н. Врангелем кадеты вспоминали: «Мы были выстроены на нижнем дворе, а перед строем, держась одной рукой за рукоятку кинжала, стоял ген. Врангель. Хриплым, привычным к выступлениям перед необозримыми рядами войск голосом, он вливал в нас надежду и призывал нас к терпению. Сотни молодых завожженных глаз глядели на него влюбленно, не отрываясь и впитывая в себя каждую деталь, каждую черточку его высокой фигуры, затянутой в скромную черкеску [...] Не думаю, что во время австрийцев эти стены и бастионы могли оглашаться такими неистовыми криками восторга, какими донские кадеты встречали и провожали генерала Врангеля» [16, с. 340].

В связи с финансовыми трудностями Державная комиссия в августе 1929 г. приняла решение о «сведении трех кадетских корпусов в два, с местонахождением первого в Белой Церкви», а второго — в Горажде и присвоением корпусу в Белой Церкви названия «Первый Русский кадетский корпус», а корпусу в Горажде названия «Второй Русский императора Александра III кадетский корпус». Директором второго корпуса был назначен генерал Е.В. Перет. В 1929/1930 учебном году численность учащихся во Втором Донском корпусе достигла 350 человек [12, с. 199]. В 1933–1934 гг. оба кадетские корпуса объединились в один Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус.

Кадетские корпуса в Югославии, в том числе и Донской императора Александра III кадетский корпус, пользовались популярностью у казаков-эмигрантов. В 1932 г. эмигрантский журнал «Иллюстрированная Россия» поместил информацию о жизни в Югославии двух донских зарубежных казачьих станиц — Есауловской и Верхне-Курмоярской. При этом журнал отметил: «Малые казачата учатся в селе в сербской школе, а затем поступают в Донской императора Александра III кадетский корпус в Горажде, в Боснии, или в Донской Мариинский институт,

в том же Банате, где живут и Есауловцы. Некоторые молодые станичники, окончив после корпуса сербское военное училище, служат офицерами в Югославской армии» [17, с. 19].

В целом же к концу 1930-х гг. из 1336 выпускников кадетских корпусов 500 человек окончили Югославскую военную академию и стали офицерами королевской армии [18, с. 130]. Несомненно, что казачьи военные училища и кадетские корпуса на чужбине имели большое значение в деле консолидации казаков в эмиграции, сохранении их военных и культурных традиций.

Библиографический список

1. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. — М., 2008.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 6038. — Оп. 1. — Д. 29.
3. Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения зарубежной России. 1920–1930 годы. — Нальчик, 1999.
4. ГАРФ. — Ф. 6038. — Оп. 1. — Д. 22.
5. ГАРФ. — Ф. 6038. — Оп. 1. — Д. 23.
6. ГАРФ. — Ф. 6038. — Оп. 1. — Д. 27.
7. Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 166. — Оп. 508/3. — Д. 43.
8. ГАРФ. — Ф. 6038. — Оп. 1. — Д. 1.
9. Губенко О.В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). — [Б.М.], 2007.
10. Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. — М., 2005.
11. Гончаров Ю. Донской кадетский корпус в Египте // Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века / сост. А.Б. Летнев, В.П. Хохлова. — М., 2002.
12. Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). — Харьков, 1996.
13. Казимиров-Клочков. Донской Императора Александра III кадетский корпус // Часовой (Париж). — 1932. — №90. — 15 дек.
14. Воробьев Н. Корпус в Горажде // Донской Императора Александра III кадетский корпус. 1883–1933 (Новочеркасск — Стришите — Билега — Горажде). Воспоминания кадет Донского корпуса. — Мадрид, 1974.
15. Семченко А.В. Внешкольное образование русского зарубежья: методология, теория, практика : монография. — Тамбов, 2002.
16. Донской Императора Александра III кадетский корпус. 1883–1933 (Новочеркасск — Стришите — Билега — Горажде). Воспоминания кадет Донского корпуса. — Мадрид. 1974.
17. Н.М. Казачья жизнь: Донские станицы за рубежом // Иллюстрированная Россия. (Париж). — 1932 — 8 окт. — №41 (387).
18. Тесемников В.В. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. — 1988. — № 10.